

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, № 1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

**Publishing house
of Altai State University
2025**

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Федорук О.А., Федорук А.С., Папин Д.В. Андроновский (федоровский) комплекс могильника Фирсово-14 (материалы раскопок 2020 г.)	7
Шишкина О.О., Советова О.С., Сирюкин И.В. «Поздние» изображения на курганных камнях тагарского могильника у горы Тепсей	29
Власкина Т.Ю. К изучению погребальной обрядности донских казаков: оформление могилы необработанными камнями и связанные с ними представления	47

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Содномпилова М.М. Огонь в информационном пространстве тюрко-монгольских народов Сибири	70
Степанова О.Б., Караваяев Э.Ф. Представления о времени в традиционном мировоззрении селькупов	86
Юша Ж.М. Защита жизни ребенка в обрядах и верованиях тувинцев России, Китая, Монголии: традиция и современность	100

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Моради М. Астральная и мистерическая символика в зороастризме	113
Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Цэцэнбилэг Ц. Буддизм и постсекулярное общество: социорелигиозные процессы в Монголии конце XX — начале XXI в.	137
Дударенок С.М. Религиозный ландшафт Хабаровского края в 1990-е гг.: особенности формирования и тенденции развития	151
Маркова Н.М., Аринин Е.И., Кузнецова Л.Э. Компаенс, религионимы и конфессионимы до религий и конфессий: вызовы академическому религиоведению	170
Мусаев В.И. Польско-литовские противоречия в католических общинах в России в начале XX в.	193
Юрганова И.И. О христианизации чукчей на страницах «Якутских епархиальных ведомостей»	210
Дашковский П.К., Траудт Е.А. Православные общины Бурятской АССР в условиях изменения советской вероисповедной политики во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг.	227

ДЛЯ АВТОРОВ	256
-------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Fedoruk O.A., Fedoruk A.S., Papin D.V.</i> Andronovo (fedorovo) complex of the Firsovo-XIV burial ground (materials of the 2020 excavations).....	7
<i>Shishkina O.O., Sovetova O.S., Siryukin I.V.</i> “Late” images on the burial stones of the Tagar burial ground near Mount Tepsey.....	29
<i>Vlaskina T.Yu.</i> The funeral rite of the Don Cossacks: raw headstones and related concepts	47

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Sodnompilova M.M.</i> Fire in the media scene of the Turkic and Mongolic peoples of Siberia	70
<i>Stepanova O.B., [Karavaev E.F.]</i> Ideas of time in the traditional worldview of the selkups	86
<i>Yusha Zh.M.</i> Child protection in the rituals and beliefs of Tuvans Russia, China, and Mongolia: tradition and modernity.....	100

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Moradi M.</i> Celestial and mystical symbolism in zoroastrianism	113
<i>Aktamov I.G., Badmatsyrenov T.B., Tsetsenbileg Ts.</i> Buddhism and post-secular society: socio-religious processes in Mongolia in the late 20th and early 21st centuries ...	137
<i>Dudarenok S.M.</i> The Religious Landscape of the Khabarovsk Region in the 1990s: Features of Formation and Development Trends	151
<i>Markova N.M., Arinin E.I., Kuznetsova L.E.</i> Compliance, Religion names and Confessional names before Religions and Confessions: Challenges to Academic Religious Studies.....	170
<i>Musaev V.I.</i> Differences between the Poles and the Lithuanians in the Roman-Catholic Communities in Russia in the early Twentieth Century.....	193
<i>Yurganova I.I.</i> The Christianization of the Chukchi within the context of the <i>Yakut Diocese Gazette</i>	210
<i>Dashkovskiy P.K., Traudt E.A.</i> Orthodox communities of the Buryat ASSR in the context of changes in Soviet religious policy in the second half of the 1980s and early 1990s.	227

FOR AUTHORS	256
--------------------------	-----

УДК 215

DOI 10.14258/nreur(2025)1–10

Н. М. Маркова, Е. И. Аринин, Л. Э. Кузнецова*Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир (Россия)*

КОМПЛАЕНС, РЕЛИГИОНИМЫ И КОНФЕССИОНИМЫ ДО РЕЛИГИЙ И КОНФЕССИЙ: ВЫЗОВЫ АКАДЕМИЧЕСКОМУ РЕЛИГИОВЕДЕНИЮ

В XX в. академические издания начинают активно использовать понятие «комплаенс», преимущественно в публикациях по медицинской и финансово-экономической тематике, в последние годы распространившееся на педагогику, психологию и филологию. Это понятие имеет два основных содержательных аспекта, первый из которых состоит в разработке требований подчиняться установленным нормам и стандартам, тогда как второй — в согласии искренне и добросовестно исполнять такие требования. Сегодня появляются первые публикации социологических исследований согласия некоторых приверженцев конфессий платить налоги, требующие осмысления таких практик с позиций теоретического описания в терминах академического религиоведения.

Исторически слово «compliance» (согласие, снисхождение, добровольная уступка, самоограничение) формировалось в английском языке из латинской церковной лексики, отражая определенные нормы межрелигиозных и межконфессиональных отношений, сложившихся в рамках христианской культуры, ставших остроконфликтными в эпоху Реформации. Необходимость достижения согласия с инакомыслящими и инаковерующими ради общего гражданского блага потребовала разработки новых правовых и литературных норм, соответствующих возникшим вызовам, включая изменение ряда «религионимов» и «конфессионимов», когда их пейоративные значения заменялись на нейтральные или подчеркнуто уважительные. Исследование проведено при использовании материалов словарей и энциклопедий, лингвистической базы данных «Национальный корпус русского языка» и ряда других источников.

Ключевые слова: религия, академическое религиоведение, религионимы, конфессионимы, комплаенс.

Для цитирования:

Маркова Н. М., Аринин Е. И., Кузнецова Л. Э. Комплаенс, религионимы и конфессионимы до религий и конфессий: вызовы академическому религиоведению // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 1. С. 170–192. DOI 10.14258/nreur(2025)1–10.

N. M. Markova, E. I. Arinin, L. E. Kuznetsova

Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs, Vladimir (Russia)

COMPLIANCE, RELIGION NAMES AND CONFESSIONAL NAMES BEFORE RELIGIONS AND CONFESSIONS: CHALLENGES TO ACADEMIC RELIGIOUS STUDIES

In the 20th century, the concept of “compliance” gained prominence in academic publications, particularly within the realms of medical and financial-economic discourse. Recently, its application has extended to fields such as pedagogy, psychology, and philology. This concept encompasses two primary substantive dimensions: the first involves the establishment of requirements aligned with existing norms and standards, while the second pertains to the genuine and conscientious adherence to these stipulations. Contemporary sociological studies are beginning to explore the willingness of certain religious adherents to fulfill tax obligations, necessitating a theoretical framework for understanding these practices within the context of academic religious studies.

Historically, the term “compliance” — denoting agreement, indulgence, voluntary concession, and self-restraint — originated in English from Latin ecclesiastical terminology. It encapsulated specific norms governing interreligious and interfaith relations that evolved within Christian culture, particularly during the Reformation, a period marked by significant conflict. The imperative to achieve consensus with dissenters for the collective civil good prompted the formulation of new legal and literary standards, addressing challenges such as the transformation of various “religion names” and “confessional names,” wherein derogatory connotations were supplanted by neutral or respectfully affirming alternatives. This analysis draws upon resources from dictionaries, encyclopedias, the linguistic database “National Corpus of the Russian Language,” and additional scholarly sources.

Keywords: religion, academic religious studies, religion names, confessional names, compliance.

For citation:

Markova N. M., Arinin E. I., Kuznetsova L. E. Compliance, Religion names and Confessional names before Religions and Confessions: Challenges to Academic Religious Studies. Nations and religions of Eurasia. 2025. Vol. 30. No. 1. P. 170–192 (in Russian). DOI 10.14258/nneur(2025)1–10.

Наталья Михайловна Маркова, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и религиоведения, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир (Россия). **Адрес для контактов:** natmarkova@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0862-1410>

Евгений Игоревич Аринин, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир (Россия). **Адрес для контактов:** eiarinin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6206-8452>

Лилия Эдуардовна Кузнецова, научный сотрудник кафедры философии и религиоведения, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир (Россия). **Адрес для контактов:** lika.smidt@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-0060-1310>

Markova Natalia Mikhailovna, Ph. D. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs, Vladimir (Russia).

Contact address: natmarkova@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0862-1410>

Arinin Evgeni Igorevich, doctor of philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs, Vladimir (Russia).

Contact address: eiarinin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6206-8452>

Kuznetsova Liliya Eduardovna, Researcher of the Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs, Vladimir (Russia). **Contact address:** lika.smidt@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-0060-1310>

Введение

Религиоведение как особое направление изучения тех социальных и психологических феноменов, которые так или иначе в том или ином социуме принято относить к категориальным общностям «религии» и «религиозного», уже более 200 лет в отечественной академической культуре опирается на разработку специализированного языка, пригодного для их корректного научного описания, дистанцируясь от принятых ранее «конфессиональных» форм, в которых принято различать «институциональные» и «вернакулярные» (простонародные) формы коммуникации «верующих» между собой и с «неверующими». В данном тексте мы обратимся к некоторым относительно новым аспектам религиоведческих исследований, обозначаемым терминами «комплаенс религий», «религиозный комплаенс» и подобными, которые филологи относят к «религионизмам», «конфессионализмам», «теонизмам» и ряду сходных с ними особым экспертным понятиям. Академические религиоведческие исследования, призванные нести универсальное понимание тех или иных феноменов, мы будем отличать от «конфессионально-центричного» их понимания, отражающего их эксклюзивную трактовку с позиций только одного религиозного объединения, а точнее, в интерпретации элиты этого сообщества.

Религия соавторами данного текста понимается как живой, многообразный и динамично развивающийся феномен социальной реальности, который в самом общем значении иногда определяют как «надзирание за неизвестным» [Аринин, Лютаева, Маркова, 2022: 74]. В таком контексте важное значение приобретает различение семиоти-

ческих аспектов принятых названий и общих категорий, когда, к примеру, упомянутое выше слово «конфессия», выступая как лексема современного языка повседневного общения, может собирательно обозначать интуитивно близкие явления, смешивая на уровне СМИ и обыденной коммуникации между собой такие разные по степени общности реалии, как, к примеру, православие и христианство в целом, тогда как в религиоведении, истории религии и других специализированных областях современного знания его же могут использовать для обозначения только относительно однородных сообществ (православных, католических и других «евхаристических общин») в христианстве, которое, в свою очередь, квалифицируется как собственно «религия» [Аринин, Даведьянов, Медведева, 2019: 14].

Ниже мы рассмотрим соотношение, которое складывается в трактовке ряда основных религиоведческих терминов на трех уровнях:

- 1) популярных массмедиа, включая Википедию (Wikimedia Foundation, далее — «WF») и ряд избранных публикаций в интернете;
- 2) материалы информационно-справочной системы «Национальный корпус русского языка» (далее — НКРЯ), некоторых других профильных научных изданий;
- 3) ряда исследований, стремящихся дать свою версию предельно универсального синтеза специальных знаний.

В статье в качестве примеров представлен анализ таких разноплановых терминов, как «магия» и «католичество». Специальное внимание направлено на феномен, получивший название «комплаенс», под которым, согласно «WF», сегодня понимается «соответствие каким-либо ... требованиям, или нормам», так и согласие подчиниться им.

Понятие «комплаенс» с начала XX в. получило распространение в литературе, имеющей преимущественно прикладной характер для целого ряда финансовых, правовых и медицинских практик, о которых кратко будет сказано далее. Наряду с такими разработками в последние годы начинают ставиться и теоретические вопросы, к примеру, «о принципах юридического комплаенса», при этом отмечается, что такие исследования страдают «слабой доктринальной проработкой» [Манохин, 2024]. Только в текущем столетии стали описываться некоторые религиоведческие аспекты феномена комплаенса, если брать его в целом, как «согласия подчиниться», тоже имеющие практический характер, когда, к примеру, социологи изучают отношения между религиозностью населения и его согласием платить налоги [Muliati, 2023: 907]. Из отечественной истории хорошо известен феномен старообрядческих «согласий» и «толков», формировавших собственные трактовки подчинения нормам «согласиецентричного» понимания подлинного «правоверия», хотя и до настоящего времени эта терминология еще не утвердилась в научной литературе. Так, к примеру, во второй половине XVIII столетия архиепископ Платон (Левшин) отмечал «три знатнейшия в Христианстве секты или толки, Папскую, Лютеранскую и Кальвинскую» (НКРЯ, архиепископ Платон. Православное учение или сокращенная христианская богословия, 1765). За прошедшие столетия католичество в отечественных изданиях перестали квалифицировать как христианский «толк». Другие коннотации этого слова приводил В. Н. Татищев, когда писал о «звере мамонте», про обнаруживаемые кости которого «сказание обывателей и последующих их баснях суеверные толки отрешаются», т. е. «суеверные толки обывате-

лей» он противопоставлял тому, что «доказуется истинно» в профессиональных научных изданиях (НКРЯ, В. Н. Татищев. Сказание о звере мамонте, 1730). Это различие обывательского и истинного сохраняется и в современной культуре.

Сегодня СМИ практически каждый день сообщают о конфликтах по всему миру различных социальных «акторов», нередко аргументирующих свою деятельность с позиций представления о собственном «религиозном эксклюзивизме», когда некоторые «ревнители вѣры» поддерживают солидарность и согласие своей общины «истинно верующих» («вѣрных», «твердых в вѣре»), уповая на то, что именно они являются уникальным коллективным носителем единственной «спасительной истины» и соответствующих норм жизни. Мы сознательно используем старую версию написания лексемы «вѣра», которая более 1000 лет, начиная с княжеств Рюриковичей, разделительно коннотировала с обозначением «спасительной истины» для элиты и народа, противопоставляясь как «невѣрию» («безбожию»), так и «суевѣриям», только в XX в. трансформировавшись в современную лексику «вера», коннотирующую уже не с «твердостью в вѣре своей конфессии», но прежде всего с альтернативой «знанию», т. е. отличаясь от того, что собственно «доказуется истинно».

В таком контексте очевидно, что недостижим в принципе комплаенс между эксклюзивными «ревнителями вѣры», от которых ожидается бескомпромиссная «твердость в вѣре» как беззаветное следование нормам именно своего исповедания как определенной «омологии», к примеру, «Orthodoxa Confessio Fidei», «Ортодокс омологія сирѣчь Православное исповѣданіє католическія и апостолскія церкви восточныя новопереведеся с еллиногреческого языка» Петра Могилы.

В то же время история свидетельствует, что можно говорить о становлении в российском обществе религиоведческого комплаенса, выступающего как согласие части элит и читающей публики подчиниться академическим нормам описания явлений «религиозного» характера, эксплицитно формировавшимся как «наука о религии» («наука о вѣрованиях») с XIX столетия, но имплицитно восходящим к истокам глобальной урбанистической цивилизации. Данная область современного знания формировалась как признание известного парадоксального факта, что вообще никто не может исчерпывающе знать «свою вѣру», поскольку она всегда признается «тайной» на уровне как «простых верующих», так и экспертов (теологов, богословов, философов, юристов), согласных в том, что Бог «неведом, но хорошо известен» (2 Кор. 6:9). В таком контексте именно религиоведение, принимая и уважая религиозное многообразие в особом статусе просвещенческой традиции «ревнителей совести и логики», принимает и развивает известный афоризм М. Мюллера, гласящий: «кто знает одну только религию, тот не знает ни одной» [Мюллер, 1887: 11]. В таком контексте для академического религиоведения очевидно, что только изучение всех религий может позволить согласованно описать и понять свою собственную.

Термин комплаенс в современной литературе

Несколько последних десятилетий научный процесс осуществляется в условиях глобализации, что во многом позволяет сохранить относительную целостность предметного научного знания как такового, существующую наряду с постоянными изменениями в политических, экономических и социокультурных отношениях. Исполь-

зование новых для научного сообщества терминов значительно ускоряет академическую коммуникацию, поддерживая и развивая свой особый дискурс. Одним из сравнительно недавних подобных приобретений стал термин «комплаенс» (compliance), происходящий, согласно «WF», от английского глагола to comply — соответствовать. Это понятие в русскоязычных научных публикациях стали использовать прежде всего для обозначения особого направления деятельности как в медицине, обозначая согласие больного подчиняться указаниям врача, так и в финансово-банковской сфере, призванного противостоять коррупции. Наряду с этим, оно стало интегрироваться и в другие отрасли научного знания.

По данным российской научной библиотеки КиберЛенинка на текущий момент (25.06.2024) там размещено 4103 научных статьи, в которых использовано понятие «комплаенс» (далее — «кс»). При идентификации по коду международной классификации OECD эти тексты делятся следующим образом: 1692 статьи по клинической медицине, 1028 по экономике и бизнесу, 592 по наукам о здоровье; 449 по праву; 156 по фундаментальной медицине; 76 по психологическим наукам; 47 по наукам об образовании; 25 по компьютерным и информационным наукам, 19 по языкознанию и литературоведению и 19 по прочим медицинским наукам. Таким образом, термин «кс» в русскоязычных публикациях наиболее активно используется сейчас преимущественно в медицинских и экономических изданиях. Для определения значений, в которых используется этот термин в изданиях на русском языке, следует обратиться к практикам его применения в различных отраслях наук.

В ряде статей авторы сами дают определение применяемого в тексте термина, когда, к примеру, в медицинских изданиях встречаются следующие дефиниции, где «кс» выступает как «осознанное сотрудничество между врачом, больным и членами его семьи» [Борохова, 2009: 11]. Другие уточняют, что это понятие обозначает «соответствие поведения пациента в отношении применения лекарства, выполнения рекомендаций врача по питанию или изменению образа жизни» [Олейчик, Шишковская, Баранов, 2021: 4]. Еще одна группа авторов утверждает, что «сотрудничество с врачом (комплаенс) — высокоиндивидуальный феномен» [Хрянин, Кнорринг, 2019: 98].

В публикациях финансово-экономического содержания встречаются трактовки, где «кс» понимается как «обеспечение соответствия нормам и правилам, соблюдение ... этических норм» [Лазарев, 2021: 78]. Другие обращают внимание на то, что «кс» должен пониматься и как «создание в организации механизмов анализа, выявления и оценки рисков коррупционно опасных сфер деятельности и обеспечение комплексной защиты организации» [Методические рекомендации, 2014: 4]. В статьях по компьютерным и информационным наукам термин «кс» чаще всего используется в близком значении, так как современные информационные технологии предлагают решения задач по организации управления комплаенс-проектами, совершенствованию комплаенс-менеджмента, предотвращению комплаенс-рисков, применению комплаенс-контроля и т.д. В информатике также присутствуют такие выражения, как «антивирусный комплаенс», а порой это слово упоминается как норма «обращаться к лучшим в своем классе сертифицированным продуктам, процессам и специалистам, чтобы обеспечить должный уровень управления рисками» [Артамонов, Артамонова, 2022: 783].

В связи с тем, что частое применение одного термина в разных отраслях науки свидетельствует о его универсализации, выходе за пределы только одной определенной сферы исследования, в том числе в комплексных исследованиях на стыке наук, например, педагогических, психологических и медицинских, соответственно в таких случаях и определение подбирается наиболее широкое, когда «кс» описывается как «феномен ... взаимодействия врача и больного в кабинете врача, ... что больше соответствует понятию „приверженность”» [Бузина, Абдуллаева, 2024: 49]. В науках об образовании использование этого термина осуществляется весьма разнообразно: одни берут за основу юридическое значение и применяют его в качестве обозначения инструмента решения проблем учреждений, когда «кс» характеризуется как «новое направление в образовании», которое «рассматривается как система противодействия угрозам и управления рисками», обеспечивая «грамотное взаимодействие организации с государственными органами» [Уткин, 2019: 10]. Другие подразумевают под «кс» определенную компетенцию работника, который стремится «все делать правильно» [Орлова, 2015: 229]. Кроме того, в работах по педагогике высшей школы встречаются такие выражения, как «формирование комплаенса между преподавателем и студентом» [Вишневский, Мироненко, 2018: 262].

Избранные нами примеры свидетельствуют, что термин «кс», с одной стороны, выражает денотаты, специфичные для, если следовать идеям В. Дильтея, «наук о природе» (Naturwissenschaften), т. е. естественных, математических и технических наук, отличающихся от «наук о духе» (Geisteswissenschaft). В первом случае возникают коннотации с безличными и объективными отношениями «необходимого подчинения нормам», как, к примеру, обращению с цианистым калием, нарушение которых ведет к неизбежным рискам не только утраты безопасности, но самой жизни, сопровождаясь прямым принуждением под угрозой неотвратимого наказания. Во втором случае (в гуманитарных, социальных, педагогических и медицинских науках) он фокусируется на личностных аспектах «должного», «достойного» и «справедливого», т. е. на этике в широком смысле (включая нормы конфессиональных традиций), сознании и совести индивида, принимаясь как «подлинная норма» в стремлении «все делать правильно», приобретая универсальные коннотации, важные и для религиозных изданий. Таким образом, с экспертных позиций, в целом «комплаенсом» могут быть названы как практики, специфичные для ряда естественных наук (1), включая принудительные формы контроля ради уменьшения рисков, в том числе коррупционных, так и гуманитарные практики (2), соответствующие этическим и конфессиональным требованиям. Тем самым это понятие позволяет объединять феномены практического и теоретического уровня ради достижения их согласия, которое И. Кант в свое время разделил на «патологическое» (из страха, по принуждению) и «моральное» (в духе категорического императива, по совести, в радости). Впечатляюще эта тема была визуализирована в мультипликационном фильме «Тигрёнок в чайнике» (1972, режиссер А.А. Грачёва).

Омонимы, этнонимы и религионимы как лингвистические феномены

Вся история формирования научного знания как такового неразрывно связана прежде всего с согласием в достижении комплаенса при понимании общих норм дистанцирования «истины» («правды») как от намеренной «лжи» («кривды»), так и от наивного

«заблуждения» или технической «ошибки». Существует множество подходов и определений того, что, собственно, можно считать наукой и религией, при этом в религиозном контексте важно отметить концепции двух классиков современной антропологии Дж. Фрэзера и Б. Малиновского. Первый в своем фундаментальном исследовании «Золотая ветвь» (1890), обобщив множество этнографических описаний, обобщил вывод, что магия, религия и наука сменяют друг друга в истории человечества, выступая как существенно разные феномены [Фрэзер, 1983: 53–55]. Б. Малиновский, опираясь на собственные полевые наблюдения, был убежден, что магия, религия и наука сосуществуют на протяжении всего антропогенеза (1925), выступая как «прагматические установки, построенные в равной мере на здравом смысле, чувстве и воле» [Малиновский, 1998: 26]. В таком глобальном контексте очевидно, что человечество всегда создавало особые критерии «нормы и патологии» в отношении к действительности («правды и кривды», «лѣпоты» и «нелѣпости», «истины и заблуждения», «религии и суеверия» и т.п.), при этом культурная память сохраняет некоторые формы сложившихся представлений о должной норме, терпимых маргиналиях и нетерпимых деликтах (преступлениях) в социальной жизни, включая религию.

Согласно «WF», феномены «магия», «религия» и «наука», которые там представлены, соответственно, на 95, 228 и 337 языках, наглядно демонстрируя, что первая на порядок менее влиятельна в современном глобальном сообществе, хотя, согласно тому же ресурсу, этимологически только слово «магия» восходит к праиндоевропейскому лексикону (ок. 8000–5000 лет до н.э.), тогда как лексема «религия» (religio) получает распространение в латинской культуре эпохи Цицерона, а предельно влиятельное сегодня слово «наука» пришло из древнерусского языка XI столетия, обозначая концепт «навык, научение», прежде всего, в контексте той эпохи, усвоения «страха божия» [Словарь русского языка XI–XVII, 1983: 291]. Сходно по частоте встречаемости слова «магия», «религия» и «наука» представлены, согласно данным НКРЯ (основной корпус), в российской литературе, занимая, соответственно, третье (1121 текст, начиная с 1722 г.) (НКРЯ, митрополит Стефан (Яворский). Проповеди...), второе (5102 текста, с 1721 г.) (НКРЯ, А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны...) и первое (18880 текстов) места, возможно, отражая тот факт, что в 1724 г. впервые в нашей истории была учреждена новая институция — Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге.

Таким образом, эти три слова и понятия входят в российские издания с начала XVIII в., сохраняя дистанцирование и, одновременно, постоянно сообщаясь в поисках комплаенса между собой, при этом «религия» выступала тогда как институт «первенствующей и господствующей вѣры», статус каковой с 1721 г. (Духовный регламент) и вплоть до начала XX в. имела только вера «Всероссийской церкви». Обе они противопоставляли себя «магии» как «суевериям» и практикам «чародейства», занятия которыми, согласно Уставу воинскому (1716), могло почти до конца этого столетия караться смертной казнью. Таким образом, термины «магия», «религия» и «наука» сложились в разных социально-политических контекстах как на глобальном, так и национальном российском уровнях для дистанцирования практик «колдовства», «благочестия» и «беспристрастного исследования», складывавшихся до «теологических», «философских», «академических» и «медийных» сообществ и институтов, при этом уни-

версального согласия в их понимании и сегодня пока не достигнуто, хотя теперь всегда можно выбрать для себя определенную концепцию их интерпретации.

Сложность современной ситуации обусловлена различием в понимании «нормативного» между СМИ, сообществами религиоведов и теологов (богословов, представителей конфессий). В медиа принятой и поддерживаемой нормой является в целом уважительное отношение к представителям всех конфессий (религий, исповеданий), которые, однако, сами исходят из требования «ревностно» следовать «кредо» (омологии, символу веры, догматике) только своего «вероисповедания» («конфессии», «вѣры» и т. п.). Для религиоведения, как это отмечал еще один из «отцов» этой науки П. Д. Шантепи-де-ля-Соссей, нормой является аналитический подход, стремящийся непредвзято сравнивать феномены, которые рассматриваются «уже не исключительно в своих уже высших слоях и литературных произведениях, но и в своих народных проявлениях: нравах, обычаях и суевериях», при этом «сопоставление и группировка различных религиозных явлений (религиозная феноменология) образует переход от истории религии к философии религии» [Иллюстрированная история религий, 1899: 4–5]. Тем самым важной задачей религиоведения, всегда тесно связанного с теологией в качестве особого рода сравнительной «метатеологии», является изучение особенностей конкретных этнических групп, позволив создавать первые академические описания религий народов нашей страны и включить «историю России в общий контекст мировой истории» [Шахнович, 2006: 26].

В этом контексте формируется «ономастика», которая изучает соотношения между реальностью и обозначающими ее терминами («именами», «омонимами», «онимами»), при этом согласно Н. В. Подольской, филологи выделяют, к примеру, категорию «экклезионим», обозначающую «собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста» и др. [Подольская, 1978: 164]. Данный термин отражает определенную «конфессиоцентричность» и «христоцентричность» данного описания социальных феноменов, поскольку слово «экклезия» (ἐκκλησία) первоначально обозначало не специальные «места совершения обряда», а народное собрание (законодательный орган) в древних Афинах, что, однако, имело и известные религиоведческие аспекты, поскольку происходило именно в определенном «месте», где «перед открытием собрания совершалось жертвоприношение и молитва» [Экклезия, народное собрание, 1885: 448–451]. Только позднее оно стало использоваться как самоназвание собственно христианского сообщества, создавшего собственную «экклезиологию» как специальное «учение о Церкви». В таком контексте корректнее с религиоведческой точкой зрения заменить слово «экклезионим» на термин «религионим» как более общий и объективный, поскольку феномен религии не сводится только к христианскому сообществу.

В целом наблюдается дистанцирование наименований этнических групп (этнонимов) и обозначений религиозных сообществ (религионимов), в том числе в трудах первых академических исследователей, которые заложили новый язык описания народов нашей страны и их «верований», отличный от языка теологии, особенно «обличительного богословия», резко и бескомпромиссно отделяющего «свое правоверие» от множества «иноверных лжеучений». В последние десятилетия появились публика-

ции о «теолингвистике», которая понимается как «наука, возникшая на стыке языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» [Гадомский, 2018: 18]. Важно отметить, что собственно этнонимы имеют коннотации с имплицитным религиозным содержанием, поскольку все культуры выступают как эксплицитно «религиозные», поскольку даже в атеистическом СССР мы встречаемся с «почитанием» того, что было незримым («беззаветная вера в построение коммунизма»), т.е. в широком смысле коннотируя с тем, что с Античности считалось «высшим порядком природы» и «божественным» (Цицерон). Исследователи полагают, что «термин «религионим» не является устоявшимся в лингвистике, иногда он употребляется для определения онимической лексики в качестве неполного синонима терминов «мифоним», «теоним» и «культоним», обозначающих культовые имена и отражающие духовные понятия в монотеистических религиях» [Алексеева, 2009: 112]. Иногда категория «религионимов» включала в себя не только «теонимы» (имена бога/богов), но и «агионимы» (имена святых, лиц или объектов, на которых почивает благодать Божия или святость через чин прославления или освящения») [Зыбина, 2016: 114]. Другие разделяют «теонимы» (названия «высших сил») и «демонимы» (названия «низших сил») [Иванова, Хазиева-Демирбаш, Артемьев, 2018: 238]. Ряд исследователей выделяют не только «экклезионимы» (имена мест совершения обряда и поклонения, включая храмы), но еще и «иеронимы» (имена святых, жрецов, практиков), сами практики и соответствующие «культонимы» (наименования отдельных культов, форм почитания), «конфессионимы» (обозначение однородных в доктринальном смысле исповеданий) и собственно «этноконфессионимы» (наименования сообществ, эксклюзивно ориентированных на однородность «национальных» практик почитания).

Термины «этноним» и «религионим» в рамках «WF» не получили большого распространения (40+2 статьи), тогда как в базе «eLibrary. Ru» подобная терминология встречается почти в 500 текстах, а обращение к НКРЯ показывает, что только слово «этноним» эксплицитно встречается в 22 документах с середины XX в., при отсутствии других лексем, различно в этой базе представлены и сами науки, такие как «антропология» (144 документа с 1793 г.) и «этнография» (120 документов с 1828 г.), тогда как «этнология» представлена только 25 документами с 1911 г.

Религия и «магия» («шаманизм», «колдовство» и т.п.)

Можно выделить несколько эксплицитно известных сегодня этапов развития представлений о том, что обозначало слово «магия», начиная с генезиса праиндоевропейского «magh» («мочь, быть в состоянии», «ritual specialist», «shaman»). Древнейшим его денотатом, как это указывал еще Геродот, является мидийское племя (1), выходцы из которого в империи Ахеменидов становятся жрецами государственного зороастризма как возвышенного «благоверия» придворной элиты (2), отношение к которым как «мудрецам с Востока» входит в Библию и философию Платона, предлагавшего отправлять афинских юношей изучать «*μᾶγείᾱ ἢ Ζωροάστρου*» («магию Заратустры») (3). Наряду с этим формируются негативные коннотации магии с колдовством (чародейством) как шарлатанством, идущим от «чужаков» (персов, мидян), приобщение к которым может быть расценено греками как «измена Афинам» и «предательство традиций отцов» (4). При этом очевидно, что сегодня зороастризм никто «магией/кол-

довством» в значении Устава воинского или модели Дж. Фрэзера не считает, поскольку в экспертных энциклопедиях отмечается, что это именно «религия», близкая к «монотеизму авраамических традиций», включая христианство [Огудин, 2006: 366–367].

Этот этап связан с именем Аристотеля, который писал про «ἡ γοητικὴ μαγεία», т. е. «обман магии», что, возможно, было связано с победой его ученика Александра Великого (Битва при Гавгамелах, Μάχητων Γαυγαμήλων, 331 г. до н.э.) над персами, поскольку в миропонимании той эпохи это было прямым свидетельством того, что проигравшая сторона и покровительствующие им божества слабее покровителей победившей стороны, что и позволяло «благоверие персов» перекалвалифицировать как «суеверие» и «обман». Эта победа превращает слово «μαγεία», с одной стороны, в пейоратив, сохраняющийся в современной культуре, в том числе, коннотирующий с евангельским образом «Симона Волхва» (Симон маг, Σίμων ὁ μάγος, Деян. 8:4–24) и практиками любых других «шарлатанов» с присущими им «обманами». Одновременно в культурной памяти сохраняется и возвышенная семантика «мудрецов» и «тайнознатцев», как, к примеру, в известном евангельском предании о «мудрецах с Востока» (Матф. 2:1, 7, 16). Эта семантика соответствует семантике греческой лексемы «μαῖοι» Платона и, как в английских переводах, выражению «wise men from the east». В русском переводе Библии использована кириллическая лексема «волхвы», наделяемая теми же противоположными коннотациями [Лопухин, 1872: 107]. В целом важно отметить и то, что амбивалентны и два других базовых антропологических термина, так как религия всегда соседствует и борется с суеверием (псевдорелигией), а наука — с псевдонаукой (лженаукой, паранаукой), тогда как магия не имеет универсальной альтернативы (псевдомагии), имея их только в религии и науке.

Исторически отнюдь не все феномены, часто относимые к области религии, могут быть подведены под категорию «учения», формирующейся в письменных и книжных культурах, в отличие от шаманизма или магии (колдовства, чародейства и т. п.), обычно рассматриваемых как «практики». Так, термин «шаман» и его производные известны с XVII столетия, где денотатом выступали экзотичные практики «иностранцев» Сибири [Хаккарайнен, 2007: 161]. Эта лексема встречается в записках одного из ярких участников придворного «кружка ревнителей благочестия», позднее сосланного в Сибирь, Аввакума Петровича, там встретившегося с искусством «шаманить, сирѣчь гадать», практиковавшимся неким «Волхвом», что в его трактовке выступило как обращение к «бѣсам» [Житие протопопа, 1904: 13].

В следующем столетии в мире и России прекращается «охота на ведьм», отношение к колдовству изменяется, с одной стороны, осуждаясь церковными и придворными субкультурами как «бѣсовство» и «суевѣрия», но при этом, с другой стороны, входя в культуру как элемент театральных постановок, когда, к примеру, это сделала Екатерина II, написавшая совместно А. В. Храповицким пьесу «Шаман сибирский» (1786), поставленную в том же году на сцене Эрмитажного придворного театра в качестве сатиры на набравшие в «светских кругах» популярность «таинственные науки» (графа Калиостро и других акторов). В те же годы такого рода явления начинают описывать в первых академических изданиях, к примеру, у И. Георги, который сконструировал неологизм «языческой законъ по Шаманскому толкованию» [Георги, 1777: 55, 74]. Тем са-

мым в научном плане шаманизм отождествлялся с христианством как один из «законов» народов империи, что можно считать одним из первых шагов к поиску комплаенса личной христианской идентичности исследователя, безличной терминологии науки и уважения к культурной традиции этнического «язычества», в которую был включен и шаманизм (5). Сегодня конфессиональные публикации могут «шаманизм» вполне нейтрально представлять как одно из «религиозных верований» [Корытко, 2016: 540].

В. Даль в своем словаре фиксирует описание магии, которая выступала как «знание и употребление на деле тайных сил природы, ... вообще не признанных естественными науками» [Толковый словарь, 1865: 887]. Близкие и более развернутые описания, при этом с очевидно негативными коннотациями, содержал «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», где магия была описана как «мнимое тайное искусство вызывать ... явления, идущие вразрез с современными представлениями о законах и силах природы», которое «обыкновенные люди считают сверхъестественными» [Магия, 1896: 307]. Магия как «мнимое тайное искусство», принимаемое «обыкновенными людьми» за «сверхъестественное», противопоставляется научному знанию о «естественных» и подлинных «силах природы» (6).

В советских изданиях акцент стали делать на том, что «маги» — это «каста жрецов-прорицателей древней Мидии» [Маги, 1938: 610]. Соответственно, сама «магия» описана как «мнимое «колдовское» воздействие на окружающий мир с целью добиться желаемых результатов. Магия ... является существенным элементом всех религий, в том числе и современных (христианство, ислам, ламаизм и т.д.)». При этом подчеркивалось, что «эпоха загнивания капитализма ... вызвала появление теософов, хиромантов, астрологов и других шарлатанов», особенно проявившись в Германии, где «фашизм использует всякую магию, религию в качестве орудия своей реакционнейшей политики» [Магия, 1938: 612, 614]. Магия здесь представлена как «существенный элемент всех религий» и «орудие реакционнейшей политики» в «эпоху загнивания капитализма» (7).

Сходные оценки сохраняются и во втором издании БСЭ, где детально описаны «маги» как «жрецы в раннерабовладельческом государстве Мидия, образовавшие замкнутую касту», ставшие позднее «жрецами в персидском государстве Ахеменидов» [Маги, 1954: 605]. Феномен «магии» представлен как «колдовство, чародейство, волшебство, обряды, связанные с верой в способность человека сверхъестественным путем воздействовать на людей, животных, явления природы, а также на воображаемых духов и богов. ... Буржуазные ученые пытаются отделить магию от религии, противопоставить их друг другу. На самом деле магия неотделима от религии. Вред магии, пережитки которой сохраняются и в наши дни, очень велик» [Магия, 1954. Т. 25: 606].

Третье издание БСЭ утверждало, что «магами» являются «жрецы и члены жреческой касты в древнем Западном Иране», упоминаемых Геродотом в качестве названия одного из «мидийских племён», которые позднее выступили как «жрецы, признававшие Заратустру своим пророком», а «в эллинистический период и позднее слово «маг» стало означать волшебников, чародеев, астрологов и т.п.» [Маги, 1974. Т. 15: 151]. Собственно «магия» в таком контексте была представлена как «колдовство, чародейство, волшебство, обряды, связанные с верой в способность человека сверхъестественным путём воздействовать» на различные объекты, добавляя, что «магическое восприятие

мира ... легло в основу древнейших натурфилософских учений и разнообразных „тайных наук”, преодолеть которые стало возможно только «с дальнейшим развитием науки» [Магия, 1974. Т. 15: 152].

Постсоветские издания определяют шаманизм как «культ особых людей (шаманов), выступающих посредниками между человеческим коллективом и духами (божествами) Неба и Земли, широко распространенный у различных народов с древнейших времен вплоть до современности» [Огудин, 2008: 1425]. Здесь же магия определяется как «действия, принадлежащие к древнейшему типу сакральной деятельности, зародившейся в форме табуирования и обращения за помощью к фетишам», которые направлены «либо на достижение конечного практического результата, либо на обеспечение предпосылок мистической и религиозной обрядности» [Балагушкин, 2008: 761].

Таким образом, с экспертных позиций, магией могут называть следующее:

- 1) древнейшие практики членов праиндоевропейских сообществ, включая одно из мидийских племен;
- 2) государственную религию империи Ахеменидов, основанную на учении «зороастрийских мудрецов с Востока»;
- 3) негативно оцениваемые «мидийские практики» персов, проигравших в битве с Александром Великим;
- 4) народные практики гадания, целительства и колдовства (шаманизма, чародейства, волшебства), порой запрещаемые и уголовно преследуемые вплоть до настоящего времени (современный кейс Алены Полынь);
- 5) уважительно изучаемые как локальный «закон» некоторых народов;
- 6) осмеиваемые «фокусы» разнообразных «шарлатанов», порой обманывающих «простецов» ради корысти (яркий образ графа Калиостро в фильме Марка Захарова «Формула любви», 1975);
- 7) советский концепт «элемента каждой религии», «орудия реакционнойнейшей политики» и «врага науки»;
- 8) формы древнейшей «сакральной деятельности» и т. п.

Феномен «католичество» как «омология/учение», «религия» и «конфессия»

Согласно данным НКРЯ (панхронический корпус) древнейшими религионимами в отечественных текстах являются кириллическая лексема «христианская» («хр(с)тіанська», «кръстьньска» и т. п.), сочетаемая с лексемами «вѣра» («вѣра хр(с)тіанська»), «цркъвь» («церковь», «едину сѣоую съборнѣю и ап(с)льскую цркъвь», «единую святую, соборную и апостольскую церковь» и т. п.) и «вѣрный», входя в русский язык с XI столетия, противопоставляясь многообразным «невѣрным» и «иновѣрнымъ» («поганым», «еврее», «агарянам» и др.) и их «капищам» (храмам, местам поклонения) (НКРЯ, Иларион Киевский. Слово о законе и благодати, 1037–1050). Позднее появляется лексема «кафолический» («каѡолический»), при этом ее денотатом первоначально была «вѣра Кафалический святой восточной церкви» (НКРЯ, Хворостинин И. А. Словеса дней, и царей, и святителей московских... XVII в.). В те же годы формируется и лексема «католик», которую начинают сопровождать негативные коннотации, как в сообщении, что «по[с]ле драки называл поп его, Костентина, коталиком и некрещеными, и впрѣд(ь) де вам умира(ь) без причаст(ь)я и без покояния»

(НКРЯ, Расспросные речи крестьян с. Отолова... 1670). Нейтральные коннотации представлены в тексте П. А. Толстого, сообщающего про село, где сосуществуют «жители разных вер: есть благочестивые греческого закона, есть католики, есть немало и жидов» (НКРЯ, Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе... 1699).

С конца XVIII столетия используется лексема «католицизм», когда Н. М. Карамзин отмечал, как «с иезуитизмом слили в одно католицизм; доказывали, что тот и тот из известных протестантских ученых тайно приняли католическую религию; что они опасные люди...» (НКРЯ, Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, 1793). Только с первой половины XIX в. начинает встречаться лексема «католичество», как у В. Г. Белинского, писавшего, как «народную вражду он смешал с личной ненавистью, и когда к этому присоединился дикий фанатизм отвлеченной религиозности, то мысль о поганом католичестве, как называл он поляков, представлялась ему в форме дымящейся крови, предсмертных стонов и зарева пылающих городов, сел, монастырей и костелов...» (НКРЯ, В. Г. Белинский. «Горе от ума»..., 1839).

Таким образом, эпоха Реформации превращает ранее универсальный и возвышенный эпитет «каѳолический» («Вселенский», «всеобщий»), характеризовавший все сообщество последователей Иисуса из Назарета как «Ecclesia Catholica»/«Καθολικὴ Ἐκκλησία», стал переосмысливаться как конфессионим, относящийся только к «Ecclesia Catholica Romana», переносясь на типологически сходные общины («confessio»), нередко ранее квалифицировавшиеся как «ереси», «сатанизм» и т. п. [Аринин, Даведьянов, Медведева, 2019: 15]. С конца XIX столетия фиксируется термин «конфессиональный», часто с негативными коннотациями, как у М. А. Антоновича, который писал, что «ослепленные конфессиональным фанатизмом, славянофилы сузили свой умственный кругозор, притупили свое зрение и не замечают тех светлых элементов на Западе, в которых выражается ход и развитие истории...» (НКРЯ, М. А. Антонович. Суемудрие «Дня»..., 1886). В начале XX в. появляется лексема «конфессия» («исповедание», «вероисповедание»), начиная с Фаддея Францевича Зелинского, который отмечал, что «конфессионализм не есть вероисповедание или конфессия, он отличается от нее именно тем элементом исключительности, который выражается суффиксом „изм”» (НКРЯ, Ф. Ф. Зелинский. Религия эллинизма, 1922).

Эти идеи и сегодня тиражируются некоторыми массмедиа, где можно встретить отказ от признания равенства религиозных сообществ, требуемого действующей Конституцией РФ и соответствующим «конституционным комплаенсом», как, к примеру, в утверждениях, что «существует Церковь и отпавшие от неё еретические сообщества» [Конфессия]. Слово «Церковь» в данном контексте означает только собственное вероисповедание, с позиций которого утверждается, что «католицизм (Римско-католическая церковь, католичество, папизм) — еретическое направление в христианстве» [Католицизм]. Такой подход игнорирует всю сложность становления христианства, в котором, согласно Евангелиям, «нет ни эллина, ни иудея» (Кол 3:11), где, однако, позднее начинают складываться и другие нормы описания многообразия сообществ приверженцев Иисуса из Назарета, в том числе «греческая вера/религия» и «римская вера/религия» («Апокрисис», 1597, 1598), именуя так прежних последователей «церквей-сестер» (Sorores Ecclesiae), образы которых восходят к евангельским нормам должных от-

ношений между считающими себя «родственными» и «солидарными» объединениями единого «евхаристического братства» [Sorores Ecclesiae].

В таком контексте российские локальные сообщества «христиан» («крестиан», «правоверных», «православных» и подобных последователей «сияющего благочестия Москвы») могли дистанцироваться от таких групп, как «латины» («папежа», «фрязи» и другие «приверженцы Папы»), «бесермены» (приверженцы пророка Мухаммеда, которых иногда могли пейоративно именовать сторонниками «мухоеданской вѣры» [Фасмер, 2009: 556]), «жидовины» (приверженцы иудаизма как «жидовской ереси») и «язычники» (приверженцы древних верований, включая «чародеев», «волшебников», «шаманов» и др.). Все они маркировались соответствующими «конфессионимами» и «религионимами», как, к примеру, «люторы» (приверженцы учения Лютера), «кальвины» (приверженцы учения Кальвина) и подобные «еретики» («расколщики», «протестанты», «диссентарии» и др.), которые, однако, после Вестфальского мира (1648) могли быть признаны легальными «исповеданиями» и, соответственно, местными «religio», что трансформировало разделительный около 10 столетий термин «христианство», в собирательный, общий для нескольких конфессий, подчеркивая особый новый статус «religio» («вѣра»), ставшего обозначением регионального «государственного исповѣдания» как местного «закона» [Такахаси, Аринин, 2021: 161].

Таким образом, кириллическая лексема «католичество» могла обозначать:

- 1) «вселенскость» древнего евхаристического братства последователей «Назарянина» и надэтнических сообществ «церквей-сестер»;
- 2) легализованное императором Константином «каѳолическое» сообщество «Назорейской ереси» (христианства, церкви Христовой) как «religio/θρησκεία»;
- 3) сообщество «латинян» («католиков»), противопоставляемых «грекам» («православным») и «сияющему благочестию Москвы»;
- 4) «государственное исповѣдание» в ряде стран;
- 5) «ветвь христианства»;
- 6) одну из конфессий христиан («Ecclesia Catholica Romana»);
- 7) «подлинное правоверие»;
- 8) единственно истинную религию и т. п.

К глубокой древности и самим истокам культуры восходят не только этнонимы, но и «теонимы» («мифонимы»), т. е. особые «имена богов», обладающие двойственной семантикой. Так, этнонимы дают название определенной группе феноменов окружающей нас действительности, к примеру, слова «эллины» (Ἕλληνες) и «греки» (Graeci), способные именовать как определенный народ, так и отдельного индивида, при этом, как ни парадоксально, россияне, принадлежа по церковно-конфессиональной культуре к традиции «греческой веры», тем не менее, используют преимущественно не «грецизм» («эллины»), а «латинизм» («греки»), что наглядно заметно в НКРЯ, где лексема «греки» встречается в 1512 текстах с 1699 г. (НКРЯ, И.А. Желябужский. Дневные записки), а «эллины» — в 125 текстах с 1828 г. (НКРЯ, архиепископ Иннокентий... Жизнь святого апостола Павла), что требует своего дальнейшего детального исследования. Используя этноним, можно не только маркировать конкретного индивида, но и позвать его. Фундаментальной особенностью «теонимов» является то, что они не столько без-

лично именуют (маркируют) некоторые элементы действительности, сколько являются формой их личного «призыва», поскольку назвать бога/духа — значит позвать (призвать) его. Собственно слова, которыми принято именовать «актеров» из «мира незримого» («Бог», «Господь» и др.), присутствующие в Библии, являются не их «подлинным именем», но метафорами, эпитетами и эвфемизмами, символически обозначающими различные атрибуты (признаки) того аспекта бытия, который признается принципиально «непостижимым», «неименуемым», «страшным», но «призываем», его невозможно «использовать» для принуждения этих «актеров», и им нельзя «манипулировать».

Аналогичное понимание фиксируется и в фольклоре, где, к примеру, в отечественной традиции представлен такой хорошо известный персонаж как «Медведь». Согласно М. Фасмеру, это слово имеет общеславянское значение «поедатель меда», представляя собой «табуистическую замену» утраченного слова, восходящего к индоевропейскому лексикону [Фасмер, 2009: 589]. В советских изданиях этнографы отмечали амбивалентность образа медведя, о котором традиционно считалось, что он «прежде был человеком», порой проявляя «рыцарские качества», хотя его боялись и старались умиловить [Токарев, 1957: 49]. Подлинное имя «поедателя меда» было непронизуемым, ибо если его назовешь, то значит и призовешь, что могло иметь самые трагические последствия, наглядно представленные в так называемых страшных сказках.

Заключение

Современные исследователи обычно уже не делают, подобно кабинетному исследованию Дж. Фрезера, историю человечества на три этапа (магия — религия — наука), полагая, вслед за полевыми наблюдениями Б. Малиновского, что эти термины обозначают три сосуществующих аспекта отношения личности, всегда ощущающей себя частью соответствующего коллектива (глобальной «Республики писателей», «сияющего благочестия Москвы» и иного солидарного братства), переживая реальность своего присутствия в вечности таинственного бытия в метафорических образах «Я» и «Оно». Исторически компаенс как «согласие подчиняться» десятки тысяч лет формировался как локальные практики «надзирания за неизвестным» в формах праиндоевропейского феномена, зафиксированного лексемой «магия». В урбанистических культурах формируются компаенс по вопросу дистанцирования возвышенной «религии» (почитания «божественного», согласно Цицерону) от унижительных «суеверий», включая переосмысленный как маргинальный феномен «магию» (чародейство, колдовство и т. п.), существующий и сегодня. Для религиоведения, оформившегося в XIX столетии, религия и магия выступают как формы «надзирания за неизвестным», при этом слово «маги» оказывается многозначным, переходя от этнонима, обозначавшего одно из древнеиранских племен, к религиониму, маркирующему учение зороастрийских жрецов («мудрецов») империи Ахеменидов, т. е. «государственную религию» самой могущественной страны той поры, доказывая свое «правоверие» («благоверие») военными и политическими успехами. Аналогично и латиноязычная «Ecclesia Catholica Romana» как церковь-сестра грекоязычной «ἡ Μεγάλη τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησία» (Великой церкви Христовой), около тысячи лет пребывавших в относительном согласии и глобальном евхаристическом братстве «Ecclesia Catholica»/«Καθολικὴ Ἐκκλησία», проти-

вопоставляясь язычеству и ересям, переосмысливается в эпохи «нестроений» и расколов, не достигнув до наших дней комплаенса в истолковании таких знакомым по летописям пейоративов и конфессионимов, как «немцы от Рима», «Папская знатнейшая в Христианстве секта или толк», «ересь» и подобные, которые и сегодня воспроизводятся в СМИ.

Для академического религиоведения очевидно, что человечество всегда создавало особые критерии различения «космоса» и «хаоса» в отношении к действительности («правды и кривды», «истины и заблуждения», «религии и суеверия», «правовѣрия» и «лжевѣрия» и т.д.), при этом память в социальных субкультурах сохраняет некоторые формы сложившихся представлений о должной норме, терпимых маргиналиях и нетерпимых деликтах (преступлениях) в социальной жизни, где религия (конфессии) может играть порой определяющую роль как в достижении согласия, так и радикального противостояния. СМИ постоянно сообщают о скандалах, связанных с конфликтами «вѣрующих» как в своих братствах, так и с приверженцами других юрисдикций и конфессий, что, кроме того, еще сочетается с их противостоянием «невѣрующим», «секуляризму» и иным формам идентичности.

Обществу, очевидно, необходимы практические и теоретические исследования истории и перспектив достижения подлинного согласия, которое имеет как формальные (рационально-принудительные), связанные с переживанием страха перед наказанием, так и гуманистические (сердечные), связанные с переживанием радости от того, что все «делается правильно», т.е. «справедливо» и «по совести». Этому способствуют и ряд выдающихся произведений отечественного и мирового кинематографа, к примеру, знаменитой ленты «Страсти по Андрею» (А. Тарковский, 1966), где трагические конфликты «единоверцев» впечатляюще показаны в контрасте с перспективами достижения согласия не только между своими, но и с «иноземцами», как в сюжете «Колокол», где «иноверцев» приглашают на торжественную церемонию освящения этого произведения литейного искусства и соответствующего «тайнознания».

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24–28–01105, <https://rscf.ru/project/24-28-01105/>

Acknowledgement and funding

The study was supported by a grant of Russian Science Foundation № 24–28–01105, <https://rscf.ru/project/24-28-01105/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеева М. О. Своеобразие пространства смыслов в терминологии русского православия // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2009. № 3. С. 111–122.

Аринин Е. И., Даведьянов А. В., Медведева В. А. Концептуальный аппарат религиоведения: термины «Вероисповедание», «Конфессия», «Деноминация» // Гуманитарные ведомости Тульского государственного педагогического университета им. А. Н. Толстого. 2019. Вып. 1 (29). С. 13–29.

Аринин Е. И., Лютаева М. С., Маркова Н. М. Аутопойезис религии как социальной субсистемы: рецепция идей Н. Лумана российскими исследователями религии // Религиоведение. 2022. № 1. С. 72–81.

Артамонов В. А., Артамонова Е. В. Кибербезопасность в условиях цифровой трансформации социума // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5–1. С. 777–784.

Балагушкин Е. Г. Магия // Энциклопедия религий. М. : Академический Проект : Гаудеамус, 2008. С. 761–762.

Борохова И. А. «Оглушенный» мозг — «Оглушенный» миокард — комплаенс // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2009. № 1. С. 10–12.

Бузина Т. С., Абдуллаева А. С. Теоретический анализ роли психологических факторов приверженности к лечению больных гипертонической болезнью // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2024. № 1 (44). С. 46–58.

Вишневский В. И., Мироненко И. И. Инновационные педагогические технологии обучения в подготовке студентов-медиков // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4 (81). С. 262–265.

Гадомский А. К. Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 1. С. 17–28.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежда и прочих достопамятностей. СПб. : Вольная типография Вейтбрехта и Шнора, 1777. Ч. 3. 178 с.

Житие протопопы Аввакума, написанное им самим. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1904. 28 с.

Зыбина Т. М. Лингвометодические основы обучения агнионам // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2016. № 2. С. 114–119.

Иванова А. М., Хазиева-Демирбаш Г. С., Артемьев Ю. М. Демонимы в мифоритуальной традиции татар // Вестник Чувашского государственного университета. 2018. № 4. С. 237–243.

Католицизм // Азбука веры. URL: <http://azbyka.ru/katolicizm> (дата обращения: 28.07.2024).

Конфессия // Азбука веры. URL: <http://azbyka.ru/konfessiya> (дата обращения: 28.07.2024).

Корытко О. В. Шаманизм // История религий. М. : Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2016. 776 с.

Лазарев Я. О. IP-комплаенс для бизнеса // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 4 (235). С. 78–83

Лопухин А. Волхвы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VII (13). Волапук — Выговские. СПб. : Типо-Литография А. И. Ефрона, 1872. 494 с.

Маги // Большая советская энциклопедия. М. : Большая советская энциклопедия, 1954. Т. 25. 632 с.

Маги // Большая советская энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1938. Т. 37. 439 с.

Магия // Большая советская энциклопедия. М. : Большая советская энциклопедия, 1954. Т. 25. 632 с.

Магия // Большая советская энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1974. Т. 15. 632 с.

Магия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIII (35). СПб. : Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1896. 500 с.

Малиновский Б. Магия, наука и религия. М. : Рефл-бук, 1998. 304 с.

Манохин В.С. К вопросу о принципах юридического комплаенса // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 5 (143). С. 1–4.

Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции. М., 2014. 47 с.

Мюллер Ф.М. Религия как предмет сравнительного изучения. Харьков : изд. переводчика, 1887. 138 с.

Огудин В.А. Зороастризм // Энциклопедический словарь. Религиоведение. М. : Академический Проект, 2006. 1256 с.

Огудин В.А. Шаманство // Энциклопедия религий. М. : Академический Проект : Гаудеамус, 2008. С. 1425–1426.

Олейчик И. В., Шишковская Т. И., Баранов П. А. Причины несоблюдения режима терапии пациентами с психическими расстройствами и современные возможности повышения комплаенса // Современная терапия в психиатрии и неврологии. 2021. № 1–2. С. 4–10

Орлова М. Г. Концепция образовательного комплаенса вуза // Обучение и воспитание: методики и практика. 2015. № 22. С. 229–232.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1978. 200 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1980. Вып. 7. 403 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1983. Вып. 10. 3277 с.

Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX–XX вв. М. ; Л. : АН СССР, 1957. 164 с.

Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Часть вторая. М. : Типография Лазаревского университета восточных языков, 1865. 1351 с.

Уткин А. В. Стенограмма VII национального форума российских историков педагогики // Историко-педагогический журнал. 2019. № 2. С. 6–21.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М. : Артель АСТ, 2009. 671 с.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М. : Издательство политической литературы, 1983. 703 с.

Хаккарайнен М. В. Шаманизм как колониальный проект // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 156–190.

Хрянин А. А., Кнорринг Г. Ю. Остроконечные кондиломы: современные возможности терапии и проблема комплаенса пациентов // Русский медицинский журнал. Мать и дитя. 2019. № 2. С. 96–101.

Шантепи-де-ля-Соссей П.Д. Иллюстрированная история религий, составленная в сотрудничестве д-ра Э. Буклей в Чикаго, библиотекаря Г. О. Ланге в Копенгагене. М. : Книжное дело, 1899. Т. 1. 436 с.

Шахнович М. М. Очерки по истории религиоведения. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 290 с.

Экклесия, народное собрание // Реальный словарь классических древностей по Любкеру. СПб. : Издание Общества классической филологии и педагогики, 1885. 1552 с.

Muliati. Investigate the religiosity on individual taxpayer compliance behavior in parepare city // Russian Law Journal, 2023 Vol. 11 No. 3. P. 907–915 (на англ. яз.).

Sorores Ecclesiae // Sisters of the Church. URL: [https://www.biblicalencyclopedia.com/S/sorores-ecclesiae-\(sisters-of-the-church\).html](https://www.biblicalencyclopedia.com/S/sorores-ecclesiae-(sisters-of-the-church).html). (на англ. яз.).

REFERENCES

Alekseeva M. O. Svoeobrazie prostranstva smyslov v terminologii russkogo pravoslaviya [The originality of the space of meanings in the terminology of Russian Orthodoxy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda* [Bulletin of Moscow University. Episode 22. Translation theory]. 2009, no. 3. P. 111–122 (in Russian).

Arinin E. I., Davedyanov A. V., Medvedeva V. A. Konceptualnyi apparat religiovedeniya: terminy “Veroispovedanie”, “Konfessiya”, “Denominaciya” [Conceptual apparatus of religious studies: terms “Religion”, “Confession”, “Denomination”]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* [Humanitarian Gazette of the TSPU. L. N. Tolstoy]. 2019, no. 1 (29). P. 13–29 (in Russian).

Arinin E. I., Lyutaeva M. S., Markova N. M. Autopoiezis religiikaksocialnoj subsystemy: recepciya idei N. Lumana rossijskimi issledovatelyami religii [Autopoiesis of religion as a social subsystem: reception of N. Luhmann's ideas by Russian researchers of religion]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2022, no. 1. P. 72–81 (in Russian).

Artamonov V. A., Artamonova E. V. Kiberbezopasnost v usloviyakh cifrovoi transformacii sociuma [Cybersecurity in the context of digital transformation of society]. *Bolshaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: development, security, cooperation]. 2022, no. 5–1. P. 777–784 (in Russian).

Balagushkin E. G. Magiya [Magic]. *Enciklopediya religij* [Encyclopedia of religions]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Gaudeamus, 2008. P. 761–762 (in Russian).

Borohova I. A. “Oglushennyj” mozg — “Oglushennyj” miokard-komplaens [“Stunned” brain — “Stunned” myocardium — compliance]. *Vestnik Smolenskoj gosudarstvennoj medicinskoj akademii* [Bulletin of the Smolensk State Medical Academy]. 2009, no. 1. P. 10–12 (in Russian).

Buzina T. S., Abdullaeva A. S. Teoreticheskii analiz roli psihologicheskikh faktorov priverzhennosti k lecheniyu bolnyh gipertonicheskoi boleznju [Theoretical analysis of the role of psychological factors of adherence to treatment of patients with essential hypertension]. *Lichnost v menyayushemsya mire: zdorove, adaptaciya, razvitie* [Personality in a changing world: health, adaptation, development]. 2024, no. 1 (44). P. 46–58 (in Russian).

Chantepi-de-lya-Sossei P. D. *Illyustrirovannaya istoriya religij, sostavlenneya v sotrudnichestve d-ra E. Buklej v Chikago, bibliotekarya G. O. Lange v Kopengageneyu.*

[An illustrated history of religions, compiled in collaboration with Dr. E. Boucle in Chicago, Librarian G. O. Lange in Copenhagen] Moscow: “Knizhnoedelo”, 1899, vol. 1, 436 p. (in Russian).

Ekklesiya, narodnoesobranie [Ecclesia, national assembly]. *Realnyi slovar klassicheskikh drevnostei po Lyubkeru* [Real Dictionary of Classical Antiquities according to Lubker.] Saint Petersburg: Izdanie Obshestva klassicheskoi filologii i pedagogiki, 1885, 1552 p. (in Russian).

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow: ASTREL AST, 2009, vol. 2, 671 p. (in Russian).

Frazer J. G. *Zolotaya vetv'* [The golden bough]. Moscow: Izdatelstvo politicheskoi literatury, 1983, 703 p. (in Russian).

Gadomskij A. K. Leksikograficheskoe opisanie terminologii teolingvistiki (na primere russkogo i polskogo yazykov) [Lexicographic description of theolinguistic terminology (using the example of Russian and Polish languages)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics]. 2018, vol. 17, no. 1. P. 17–28 (in Russian).

Georgi I. G. *Opisaniyevseh v Rossijskom gosudarstve obitayushih narodov, takzhe ih zhiteiskih obryadov, ver, obyknovenij, zhilish, odezhd i prochikh dostopamyatnostei* [A description of all the peoples living in the Russian state, as well as their everyday rituals, beliefs, customs, dwellings, clothes and other monuments.] Saint Petersburg: Volnaya tipografiya Vejtbrehta i Shnora, 1777, pt. III, 178 p. (in Russian).

Hakkarajnen M. V. Shamanizmkakkolonialnyjproekt [Shamanism as a colonial project]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum]. 2007, no. 7. P. 156–190 (in Russian).

Hryanin A. A., Knorring G. Yu. Ostrokonechnye kondilomy: sovremennye vozmozhnosti terapii i problema komplensa pacientov [Genital condylomas: modern treatment options and the problem of patient compliance]. *RMZh. Mat iditya* [Breast Cancer. Mother and child] 2019, no. 2. P. 96–101 (in Russian).

Ivanova A. M., Hazieva-Demirbash G. S., Artemev Yu. M. Demonimy v miforitualnoi tradicii tatar [Demonyms in the Tatar mythological tradition]. *Vestnik ChGU* [Bulletin of ChSU]. 2018, no. 4. P. 237–243 (in Russian).

Katolicizm [Catholicism]. URL: <http://azbyka.ru/katolicizm> (accessed July 28, 2024) (in Russian).

Konfessiya [Confession]. URL: <http://azbyka.ru/konfessiya> (accessed July 28, 2024) (in Russian).

Korytko O. V. Shamanizm [Shamanism] // *Istoriya religij* [History of religions] Moscow: Obshechekovnaya aspirantura i doktorantura im. svyatykh ravnoapostolnykh Kirilla i Mefodiya, 2016, 776 p. (in Russian).

Lazarev Ya. O. IP-komplaens dlya biznesa [IP compliance for business] // *Imushchestvennyye otnosheniya v RF* [Property relations in the Russian Federation] 2021, no. 4 (235). P. 78–83 (in Russian).

Lopuhin A. Volhvy [Magi]. *Enciklopedicheskii slovar Brokgauza i Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron.]. Saint Petersburg: Tipo-Litografiya A. I. Efrona, 1872, vol. VII (13), 494 p. (in Russian).

Magi [Magicians]. *Bolshaya sovetskaya enciklopediya* [Great Soviet Encyclopedia] Moscow: Gosudarstvennoe slovarno-enciklopedicheskoe izdatelstvo “Sovetskaya enciklopediya”, 1938, vol. 37, 439 p. (in Russian).

Magi [Magicians]. *Bolshaya sovetskaya enciklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Gosudarstvennoe slovarno-enciklopedicheskoe izdatelstvo “Sovetskaya enciklopediya”, 1954, vol. 25, 632 p. (in Russian).

Magiya [Magic]. *Bolshaya sovetskaya enciklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Gosudarstvennoe slovarno-enciklopedicheskoe izdatelstvo “Sovetskaya enciklopediya”, 1954, vol. 25, 632 p. (in Russian).

Magiya [Magic]. *Bolshaya sovetskaya enciklopediya* [Great Soviet Encyclopedia] Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1974, vol. 15, 632 p. (in Russian).

Magiya [Magic]. *Bolshayasovetskayaenciklopediya* [Great Soviet Encyclopedia] M.: Gosudarstvennoe slovarno-enciklopedicheskoe izdatelstvo “Sovetskayaenciklopediya”, 1938, vol. 37, 439 p. (in Russian).

Magiya [Magic]. *Enciklopedicheskii slovar Brokgauza I Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron.]. Saint Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efron), 1896, vol. XVIII (35), 500 p. (in Russian).

Malinovskij B. *Magiya, nauka I religiya* [Magic, science and religion] Moscow: “Refl-buk”, 1998, 304 p. (in Russian).

Manohin V. S. K voprosu o principakh yuridicheskogo komplainsa [On the issue of the principles of legal compliance]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International scientific research journal]. 2024, no. 5 (143). P. 1–4 (in Russian).

Metodicheskie rekomendatsii po razrabotke I prinyatiyu organizatsiyami mer po preduprezhdeniyu I protivodeystviyu korrupcii [Methodological recommendations for the development and adoption by organizations of measures to prevent and combat corruption]. Moscow, 2014, 47 p. (in Russian).

Muller F. M. *Religiya kak predmet sravnitel'nogo izucheniya* [Religion as an object of comparative study]. London: Longmans, Green and Co. 1882, 341 p. (in English).

Ogudin V. L. Shamanstvo [Shamanism]. *Enciklopediya religij* [Encyclopedia of Religions]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Gaudeamus, 2008. P. 1425–1426 (in Russian).

Ogudin V. L. Zoroastrizm [Zoroastrianism]. *Religiovedenie, Enciklopedicheskii slovar* [Study of Religions, Religious Studies, Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2006, 1256 p. (in Russian).

Olejchik I. V., Shishkovskaya T. I., Baranov P. A. Prichiny nesoblyudeniya rezhima terapii pacientami s psicheskimi rasstroistvami i sovremennye vozmozhnosti povysheniya komplainsa [Reasons for non-compliance with therapy in patients with mental disorders and modern opportunities for increasing compliance]. *STPN* [STPN], 2021, no. 1–2. P. 4–10 (in Russian).

Orlova M. G. Konceptsiya obrazovatel'nogo komplainsa VUZa [The concept of educational compliance of a university]. *Obuchenie I vospitanie: metodiki i praktika*. [Training and education: methods and practice]. 2015, no. 22. P. 229–232 (in Russian).

Podolskaya N. V. *Slovar russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow: Nauka, 1978, 200 p. (in Russian).

Shahnovich M. M. *Ocherki po istorii religiovedeniya* [Essays on the history of religious studies.]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Sankt-peterburgskogo universiteta, 2006, 290 p. (in Russian).

Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries] Moscow: Nauka, 1980, iss. 7, 403 p. (in Russian).

Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries]. Moscow: Nauka, iss. 10, 1983, 3277 p. (in Russian).

Tokarev S. A. *Religioznye verovaniya vostochnoslavjanskikh narodov XIX–XX vv.* [Religious beliefs of the East Slavic peoples of the XIX–XX centuries.] Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1957, 164 p. (in Russian).

Tolkovyi slovar zhivago velikoruskago yazyka Vladimira Dalja. Chast vtoraya [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl. Part two] Moscow: Tipografiya Lazarevskogo universiteta vostochnykh yazykov, 1865, 1351 p. (in Russian).

Utkin A. V. Stenogramma VII nacionalnogo foruma rossiiskikh istorikov pedagogiki [Transcript of the VII National Forum of Russian Historians of Pedagogy]. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal* [Historical and Pedagogical Journal]. 2019, no 2. P. 6–21 (in Russian).

Vishnevskii V. I., Mironenko I. I. Innovacionnye pedagogicheskie tehnologii obucheniya v podgotovke studentov-medikov [Innovative pedagogical teaching technologies in the preparation of medical students]. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i socialnye nauki.* [Scientific notes of OSU. Series: Humanities and social sciences]. 2018, no. 4 (81). P. 262–265 (in Russian).

Zhitie protopopa Avvakuma napisannoe im samim [The life of Archpriest Avvakum written by himself] Saint Petersburg: Tip. F. Vajsberga i P. Gershunina, 1904, 28 p. (in Russian).

Zybina T. M. Lingvometodicheskie osnovy obucheniya agionimam [Linguistic and methodological foundations for teaching agionims]. *Teologicheskii vestnik Smolenskoj Pravoslavnoi Duhovnoi Seminarii* [Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary]. 2016, no. 2. P. 114–119 (in Russian).

Muliati. Investigate the religiosity on individual taxpayer compliance behavior in parepare city. *Russian Law Journal*, 2023, vol. 11, no. 3. P. 907–915 (in English).

Sorores Ecclesiae. *Sisters of the Church*. URL: [https://www.biblicalencyclopedia.com/S/sorores-ecclesiae-\(sisters-of-the-church\).html](https://www.biblicalencyclopedia.com/S/sorores-ecclesiae-(sisters-of-the-church).html) (in English).

Статья поступила в редакцию: 06.09.2024

Принята к публикации: 10.02.2025

Дата публикации: 31.03.2025